

имѣть подъ ногами никакой „почвы“. Слово „почва“ соваля оны всюду и достигъ того, что и она начала какъ будто чувствовать отсутствіе подъ собой почвы. Сразу, почти съ того самаго вечера, она подчинилась ему, какъ сильному мужчине, и начало ее влечь къ нему, не любовнымъ влеченіемъ, даже не тѣмъ, что на языкѣ ея кавалеровъ называлось „un caprice“. Что-то другое: внѣшній авторитетъ и усталость довольно уже долгой дѣвической жизни, боязнь состарѣться, — такъ она себѣ это теперь объясняетъ...

Вернулась Сосѣ изъ Россіи. Оны уѣхалъ передъ тѣмъ, почти ея женихомъ. Стало ей у Сосѣ ужасно шумно и безтолково житься, въ приготовленіяхъ къ новой свадьбѣ... Цѣлые дни Сосѣ, когда получила разводъ, запырала съ своимъ женихомъ, или поскачетъ съ нимъ: то туда, то сюда, въ Парижъ, Франкфуртъ, Швейцарію, Вѣну, Берлинъ... Съ ними Зина не ѣздила; ей и даже смотрѣть на нихъ было тошно. И этотъ „gastaquouère“, новый нареченный Сосѣ, казался ей такимъ „комишкой“, франтомъ-контористомъ, ничтожнымъ „разночинцемъ“; такъ его опредѣлилъ и Рынинъ, проведя съ нимъ одинъ вечеръ, передъ своимъ отъѣздомъ. — Фигура дерзкаго офицера все росла въ ея сильно заскучавшей головѣ... Она начала получать отъ него письма. Писалъ оны умно, зло, занимательно; сначала она отвѣчала рѣдко, — потомъ втянулась. Свадьба Сосѣ толкнула ее дальше. Молодые уѣхали, „разумѣется“, въ Италію; — ее оставили опять съ англичанками, съ тѣми, которыя пріѣлись ей достаточно и во Франкфуртѣ. Княгиня Трубчевская переселилась въ Ментонъ, да еслибъ жила и все въ томъ же курортѣ, она сама не могла бы уже играть при ней роль добровольной чтицы.

Къ веснѣ ей вдругъ захотѣлось въ Россію. Она сама заговорила объ отцѣ, о свиданіи съ матерью... Сосѣ прослезилась... Тутъ случился опять Лукашинъ со старикомъ Куномъ, на возвратномъ пути въ Москву, послѣ заграничной поѣздки. Сосѣ начала ее благословлять, точно хотѣла окончательно отдѣлаться отъ нея, и ускорила свой отъѣздъ съ мужемъ въ Америку, на цѣлый годъ, можетъ, и больше. Правда, она предложила ей ѣхать съ ними, и даже на ея счетъ. Но Америка совѣмъ ея не прельщала. Опять съ ними... Они цѣлый день цѣлуются, точно пѣмцы на швейцарскихъ дорогахъ. Сосѣ — кажется, беременная, слезливо-сладкая, противная!..

Она и поѣхала въ Россію. Въ Петербургѣ утомилась, заболѣла слегка, и въ двѣ недѣли Рынинъ уже былъ ея формальнымъ женихомъ. — Въ маѣ они обвѣнчались.